

Томас Александр Слезак

О значении ключевых понятий платоновской критики
письма: филологический подход к «Федру» 274b–278e*

THOMAS ALEXANDER SZLEZÁK

ON THE MEANING OF THE KEY CONCEPTS IN PLATO'S CRITICISM OF WRITING:

A PHILOLOGICAL APPROACH TO *PHAEDRUS* 274B–278E

(TR. M. BULANENKO)

ABSTRACT. The standard modern interpretation of Plato's Criticism of Writing (*Phaedrus* 274b–278e) is based on misunderstandings and incorrect interpretations of the key concepts of this text. The original Platonic meaning of the concepts in question can be found in the dialogues. Instead of importing modern prejudices into the interpretation of Plato's Criticism of Writing, this article offers an exercise in explaining Plato out of Plato (in accordance with the old Greek principle Ὁμηρον ἐξ Ὁμήρου σαφηνίζειν). The sense of the Criticism of Writing turns out to be the contrary of what it has been believed to be in the last 50 years since G. Vlastos 1963.

KEYWORDS: Plato's Criticism of Writing, *syngramma*, *timiōtera*, *boēthein tōi logōi*, Gregory Vlastos.

А. Снабжая свою статью подзаголовком «Филологический подход к *Федру* 274b–278e», я не имел намерения искусственно противопоставить друг другу филологический и философский подходы. Не существует двух разных и отдельных друг от друга способов установить, что имел в виду Платон, как не существует и двух различных истин относительно его критики письма. Наше понимание философского текста, естественно, должно быть философским. Говоря о филологическом подходе, я хочу с самого

© T.A. Szlezák (Tübingen). thomas.a.szlezak@uni-tuebingen.de. Eberhard Karls Universität Tübingen.

© М.Е. Буланенко (Владивосток). bulanenko@list.ru. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

* Оригинал публикации: Szlezák 2015.

начала дать понять, что не собираюсь нарушать или игнорировать правила и процедуры филологической экзегезы. Эти правила и процедуры мы должны соблюдать при любой интерпретации, будь она литературной или философской, теологической или юридической. Я называю эти правила филологическими, потому что первой разработавшей их дисциплиной стала греческая классическая филология III века до Р.Х. Нарушение этих правил и процедур или пренебрежение ими, на мой взгляд, не является философским достоинством.

Я хочу показать, что в основе стандартной современной интерпретации нашего текста лежит пренебрежение рядом интерпретационных шагов, обязательных с филологической точки зрения. В каких аспектах и по поводу каких пунктов моя интерпретация расходится с другими интерпретациями, будет указано в конце.

В. Для начала давайте вспомним, что представляет собой платоновская критика письма. Я бы предложил разделить этот текст на шесть частей.

1. Обсудив вопрос об искусности и неискусности *логосов* достаточным образом (ικανῶς), Сократ намерен обратиться к вопросу об их адекватности и неадекватности (εὐπρέπεια — ἀπρέπεια). С самого начала он указывает на то основополагающее обстоятельство, что решающим критерием здесь будет способность угодить богу нашим использованием *логосов*. В связи с этим Сократ может рассказать историю, услышанную им от древних (274b2–c4).

2. Это история о египетском боге Тевте, который изобрёл кое-какие искусства, включая искусство письма, и показал их египетскому царю Тамусу. Царь спросил Тевта о пользе каждого из искусств. Когда изобретатель стал хвалить письмо как искусство, которое сделает египтян более мудрыми и памятьливыми, Тамус отвечал, что письмо будет скорее вредить памяти и способствовать забывчивости, поскольку люди будут полагаться на посторонние душе знаки. И прочитав многое без обучения (ἀνευ διδασχῆς), они не станут мудрыми, а будут лишь казаться таковыми (δοξόσοφοι γευονότες ἀντὶ σοφῶν). Одним словом, довольно наивно думать,

будто письмо может сообщить ясные и надёжные знания (σαφὲς καὶ βέβαιον). Записанные слова могут служить не более чем средством припоминания для того, кто уже и так знает, о чём идёт речь в письменном сочинении (274c5–275d2).

3. Дело в том, что письменное сочинение — γραφή как такое — имеет три недостатка или ограничения: (1) письменное сочинение не может отвечать на возникающие у читателя вопросы — оно всегда будет отвечать одно и то же, (2) оно вращается повсюду, попадая в руки как тех, кто его понимает, так и тех, кто не имеет никакого отношения к излагаемым в нём предметам, причём оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем — нет. (3) Подвергнувшись нападению, письменный *логос* не способен защититься или помочь себе, для помощи ему нужен его отец (автор). Но существует и другой вид *логоса*, свободный от этих недостатков: живая и одушевлённая речь знающего человека, образом (εἶδωλον) которой может быть названа письменная (275d4–276a9).

4. Тут Сократ переходит к сравнению. Как разумный земледелец (νοῦν ἔχων γεωργός) не будет высаживать в сад Адониса семена, с которых он желает получить урожай, но будет относиться к таким садам лишь как забаве в праздник Адониса, так и диалектик не будет высаживать свои философские семена, имеющие для него важное значение, в сады Адониса, т.е. в свои письменные сочинения, если только он не пишет для забавы (παιδιᾶς χάριν), заготавливая средства припоминания для себя и для тех, кто идёт этим же путём. Серьёзное обращение со своими «семенами» будет для него состоять в устной диалектике с подходящей душой (λαβῶν ψυχὴν προσήκουσαν), которой он передаст *логосы*, сопровождающиеся знанием, *логосы*, способные помочь самим себе и сделать душу счастливой (276b1–277a5).

5. Теперь, говорит Сократ, мы можем ответить на первоначальный вопрос по поводу упрёка, направленного против Лисия как составителя речей, и на вопрос о том, какие *логосы* написаны искусно, а какие — нет. Отвечая на второй вопрос, Сократ подытоживает: искусный устный или письменный *логос* должен ос-

новываться: (1) на полном диалектическом знании трактуемого предмета, (2) на исчерпывающем знании различных видов душ и (3) на способности подобрать нужный вид *логоса* для нужного вида души. Отвечая на первый вопрос, Сократ возвращается к заключению, выведенному из египетской истории: считать, что нечто ясное и надёжное может иметь своим источником написанную книгу — это постыдно, поскольку свидетельствует о небольшом уме, тогда как Сократ и Федр должны взять за образец человека, знающего, что ничто письменное не заслуживает внимания и что лучшие из письменных логосов — это средства припоминания для тех, кто уже обладает знанием (277a6–278b6).

6. В заключение Сократ формулирует следующее послание всем, кто пишет речи, как Лисий, поэмы, как Гомер, лирику или же политические *логосы*, называя их законами: если автор написал то, что написал, зная истину и будучи способным помочь своему письменному сочинению, вступив в *эленхос* и устно продемонстрировав (*λέγων αὐτὸς*), что написанное им — неполноценно, то он заслуживает имени — нет, не *σοφός*, которое подобало бы одному лишь богу, но — *φιλόσοφος*. Если же, с другой стороны, у автора нет ничего более ценного, чем написанное им, то его будет правильно назвать поэтом или составителем речей, или создателем законов.

Таково содержание текста, который мы называем платоновской критикой письма. (Если бы Платон дал этой главе отдельное название, он бы, скорее, выбрал заголовок «При каких условиях использование письма не постыдно» или «Как угодить богу, используя письмо?»)

Ниже приведены греческие понятия из этой главы, значение которых кажется ясным на первый взгляд, но при ближайшем рассмотрении требует дальнейших филологических разъяснений:

1. *σύγγραμμα* — действительно ли это «трактат»?
2. *γραφή* — почему Платон говорит о недостатках *γραφή*?
3. *Ἀδώνιδος κῆποι* — что это за сады?

4. εἶδωλον — почему важно знать, что диалоги — это εἶδωλα?
5. βοηθεῖν τῷ λόγῳ — в чём состоит эта способность?
6. εἰδῶς ἢ τὸ ἀληθὲς ἔχει — какого рода истина имеется в виду?
7. τὰ γεγραμμένα φαῦλα ἀποδείξαι — нужно ли переводить φαῦλα как «ложные»?
8. σιγᾶν πρὸς οὓς δεῖ — зачем вообще требуется молчать в чьем-либо присутствии?
9. τιμώτερα — что обладает «большой ценностью» и в сравнении с чем?
10. θεῶ χαρίζεσθαι — какое отношение к моему использованию *логосов* имеет бог?

С. Следующая интерпретация платоновской критики письма является стандартной¹:

1. Платон не распространяет свою критику на собственные диалоги. Скорее, его мишенью являются συγγράμματα (277d7, 278c4). Греческое слово σύγγραμμα означает «трактат», т.е. систематическое письменное изложение, и не применимо к литературной форме диалога.

2. Поэтому три вида ограничений, свойственных письменным сочинениям, не относятся к диалогам Платона. В противоположность всем другим видам письменных сочинений они способны давать новые ответы, выбирать подходящего читателя и помогать самим себе, когда подвергаются нападению. Таким образом, платоновский диалог — это уникальный вид письменного сочинения. Это книга, которая преодолевает себя как книгу.

3. Выражение βοηθεῖν τῷ λόγῳ, «помогать своему *логосу*», обозначает то, что все мы делаем, когда, прочтя текст своего выступления, сталкиваемся с критическими вопросами: мы защи-

¹ Подробное описание, анализ и критику современной теории платоновского диалога в её развитии начиная с «Введения» Шлейермахера к его переводу Платона (1804) и далее в XIX и XX столетиях вплоть до того времени, когда она приобрела характер господствующего взгляда практически во всех странах и всех направлениях платоноведения, можно найти в Приложении I («Современная теория формы диалога») моей книги Szlezák 1985: 331–375.

щаем свои утверждения, мы отстаиваем их перед лицом глупого или злонамеренного недопонимания, опровергаем софистические возражения против них, подкрепляем их, демонстрируя, как они вытекают из сильных посылок или имеют проясняющие следствия².

4. Под τριώτερος, которые должен иметь в своём распоряжении φιλόσοφος, имеется в виду не что иное, как живое обсуждение и устная диалектика, которую Платон рассматривал как «гораздо более ценную деятельность, чем составление письменных сочинений»³.

5. Из всего этого, а в особенности из последних двух пунктов, следует, что нет никакой необходимости допускать, будто Платон требует от философа способности превосходить своё же письменное изложение в философском отношении, никакой необходимости признавать, что устная философия Платона охватывает собой более обширную область, нежели диалоги.

D. К сожалению, эта стандартная современная интерпретация критики письма основывается на ошибочном допущении по поводу того, какие значения Платон вкладывал в используемые в этой критике термины.

1. Начнём со слова σύγγραμμα. О том, что оно означает «трактат», исследователи в XX веке говорили нам тысячу раз. А «трактат» означает «письменное систематическое изложение или рассуждение, включающее в себя методическое обсуждение привлекаемых к рассмотрению фактов и принципов и сделанных заключений»⁴. Опираясь на такое понимание слов σύγγραμμα и «трактат», Гатри мог утверждать (в своей монументальной «Ис-

² Я следую объяснению выражения βωηθεῖν τῷ λόγῳ, которое было дано Г. Властосом в его статье Vlastos 1963: 653. Лишь последняя часть объяснения Властоса («демонстрируя, как они вытекают из сильных посылок...») приближается к тому, что имел в виду Платон. Очевидно, Властос не понял, что это значение выражения βωηθεῖν τῷ λόγῳ подходит как раз для того, чтобы опровергнуть его «опровержение» интерпретации, предложенной Кремером.

³ Vlastos 1963: 654.

⁴ Webster's New Collegiate Dictionary. Springfield: G. & C. Merriam Co., 1975.

тории греческой философии»), что платоновский диалог — это «не обычное письменное произведение (σύγγραμμα), имеющее целью свести воедино окончательные заключения»⁵. Бесчисленные более и менее значительные учёные высказывали эту точку зрения до Гатри, однако никто из них (включая Гатри) ни разу не задался простым вопросом о том, подтвердит ли древнегреческое употребление этого слова их точку зрения. Другими словами, основополагающее филологическое требование, обязательное для любого вида интерпретации, будь она философской или филологической, и предписывающее осуществлять проверку древнегреческого употребления того или иного ключевого понятия, было обойдено учёными всех стран. Неудовлетворённый этим страным упущением, в 1985 году в своей книге «Платон и письменность философии» я привёл все случаи употребления слов σύγγραμμα, συγγραφή и συγγράφειν в доплатоновской литературе, дополнив их некоторым числом случаев употребления слова σύγγραμμα в послеплатоновских сочинениях.⁶ Результат этого изыскания — насколько мне известно, первого и единственного вплоть до сего дня — был однозначен: греки не использовали слово σύγγραμμα в значении «систематического изложения» — называться σύγγραμμα могло всё «вместе записанное», даже поэтическое произведение (хотя по большей части это слово означает «прозаическое произведение»). И греки более поздних эпох, которые вследствие своей установки на антицизм, как правило, тщательно придерживались языкового употребления классического периода, нисколько не сомневаясь называли диалоги «Πλάτωνος συγγράμματα» или «Πλατωνικὰ συγγράμματα»⁷. Таким образом, понятие непременно недиалогичной σύγγραμμα, которое вывело бы диалоги Платона из-под действия его критики письма, оказывается бессодержательным современным изобретением

⁵ Guthrie 1978: 411. Гатри относил приведённые здесь слова главным образом к «Государству», но очевидно считал, что они применимы ко всем диалогам.

⁶ Szlezák 1985: 376–385.

⁷ Szlezák 1985: 379–380.

ем. Однако этот аргумент от *σύγγραμμα* был главным столпом здания современной теории платоновского диалога. К счастью, начиная с 1985 года — во всяком случае, в Германии — данный «аргумент» перестал использоваться (хотя ни один автор не говорит о том, откуда он узнал о его бессодержательности). Довольно удивительно, но он по-прежнему в ходу в Оксфорде: через 30 лет после того, как древнегреческое употребление слова *σύγγραμμα* было установлено на основе источников, Майлз Бернхет в своей недавней книге о Седьмом письме всё ещё исходит из правильности некогда общепризнанного равенства *σύγγραμμα* = «трактат»⁸.

2. Второе важное понятие — *γραφή* (275d4). Это *γραφή* как такое имеет три непреодолимых ограничения. Почему Платон использует это слово в данном контексте? Потому что оно служит наиболее общим обозначением для понятия «письменное сочинение». Если *γραφή* как таковое имеет три указанных основных недостатка, то их имеют и сочинения самого Платона. Если бы он полагал, что его произведения не имеют этих недостатков, он должен был бы здесь об этом сказать.

3. Что такое «сады Адониса»? *Ἀδωνίδος κήλοι* — это небольшие горшочки или корзинки, использовавшиеся в культе Адониса⁹. Их наполняли землёй, в которую высаживали зерно, и держали в тёплом и тёмном месте, чтобы всходы могли появиться уже через восемь дней. Но эти всходы не приносили никаких семян, т.е. зёрен, никакого урожая, по-гречески: никаких *στέρματα*, никакого *καρλός*. При свете летнего дня они быстро увядали, а корзинки пускали в воду с причитаниями «ὦ τὸν Ἀδωνιν», в память о смерти Адониса, возлюбленного Афродиты. Теперь представьте

⁸ Burnyeat & Frede 2015. По убеждению Бернхета (а в истинности этого убеждения он уверен), Платон отрицает, «что когда-либо писал или когда-либо напишет трактат (341c5: *σύγγραμμα*) о своей философии» (р. 164). В действительности Седьмое письмо не затрагивает вопроса о форме возможного сочинения, посвящённого философии Платона, в нём просто утверждается, что нет никакого смысла писать «περὶ ὧν ἐγὼ σπουδάζω» («о том, к чему я отношусь серьёзно», 341c1–2). Ср. Szlezák 1979.

⁹ См. Baudy 1986.

себе земледельца, который высадил бы все свои семена (всё зерно) в сады Адониса. Он лишил бы себя урожая или «плода», поскольку эти сады не дают урожая. Таким образом он бы подверг свою семью опасности умереть с голоду, и, конечно же, никто не мог бы назвать его «разумным земледельцем» (νοῦν ἔχων γεωργός, ср. 276b1–2). Если мы не хотим обесмыслить сравнение Платона, мы должны признать, что диалектик не будет высаживать всё имеющееся у него зерно в свои литературные сады Адониса, подобно тому как разумный земледелец не может поступить таким образом со своими семенами. Некоторые современные учёные, очевидно, не знают, что собой представляют Ἀδώνιδος κήποι: например, Винфрид Кюн обесмысливает сравнение, утверждая, что платоновский философ доверит всё своё знание собственным сочинениям¹⁰ (вследствие чего он оказался бы по одну сторону с неразумным земледельцем), а переводчики А. Нехамас и П. Вудраф переводят выражение θεωρῶν καλοῦς ἐν ἡμέραισιν ὀκτῶ γενομένους («видя, что сады становятся прекрасными за восемь дней», 276b4) словами «наблюдая, как они приносят урожай за семь [sic] дней»¹¹ — по-видимому, не поняв смысла сравнения, который состоит именно в том, что сады Адониса в принципе не способны приносить урожай (καρλός).

4. Φιλόσοφος способен устно создавать τιμώτερα, «предметы, более ценные», нежели те, которые он сочинил или записал (278d8). Стандартное объяснение утверждает, что τιμώτερα представляют собой деятельность по ведению живого диалектического обсуждения. Эта интерпретация невозможна в силу по меньшей мере трёх оснований: (1) для передачи этого смысла понадобился бы примерно такой греческий текст «τὸν μὴ ἔχοντα τιμώτερον τι τοῦ συντιθέναι ἢ γράφειν» («у кого нет ничего более ценного, чем сочинительство или писательство»), тогда как имеющий-

¹⁰ Kühn 1998. См. тж. мой ответ Кюну Szlezák 1999.

¹¹ Cooper 1997: 553. Возможно, на этих переводчиков повлиял Р. Хэкфорт, который перевёл «наблюдая, как он приносит прекрасный урожай за восемь дней» (Hackforth 1952: 159).

ся текст гласит: «τὸν μὴ ἔχοντα τιμώτερα ὧν συνέθηκεν ἢ ἔγραψεν» («у кого нет ничего более ценного, чем то, что он сочинил или написал»). Таким образом, стандартная интерпретация невозможна лингвистически. Она хочет убедить нас в том, что Платон сравнил такую деятельность, как живое обсуждение, не с другой деятельностью, а с *результатами* другой деятельности, т.е. писательства. В действительности же он сравнивает свои книги, являющиеся результатами его писательской и издательской деятельности, с философскими результатами другой своей деятельности — ведения живых обсуждений в Академии. Эти результаты были подытожены в его устной теории принципов. (2) Значение слова τιμώτερα уже было предвосхищено в самом «Федре». Закончив чтение речи Лисия об Эросе, собеседники выясняют, какая речь была бы лучше, чем эта. Она должна будет выполнить условие, требующее от неё заключать в себе μείζω, βελτίω и πλείω καὶ πλείονος ἄξια (*Phdr.* 234e3, 235d6, 236b2). Эти выражения явно относятся к философскому содержанию: лучшая речь должна иметь лучшее содержание, должна включать в себя предметы большей философской ценности (πλείονος ἄξια). И в самом деле, первая речь Сократа об Эросе имеет лучшее философское содержание, πλείονος ἄξια, нежели речь Лисия, а его вторая речь изобилует πλείονος ἄξια в сравнении с первой. Таким образом, читатель уже знает, в чём состоит условие превосходства одного *логоса* над другим: он должен заключать в себе πλείονος ἄξια. А слово τιμώτερα — это всего лишь синоним выражения πλείονος ἄξια. Устная защита философом своего письменного *логоса* должна будет включать в себя (πλείω καὶ) πλείονος ἄξια. Иначе философ не сможет показать неполноценность собственного письменного изложения (τὰ γεγραμμένα φαῦλα ἀποδείξει, 278c6–7). А без этого он не соответствовал бы имени φιλόσοφος. Современные комментаторы не смогли увидеть связь между предыдущей и последующей частями текста, хотя в обеих обсуждается один и тот же вопрос — вопрос о том, что обеспечивает превосходство одного изложения над другим. Они не увидели эту связь, поскольку не искали её — что,

опять же, является пренебрежением основополагающей филологической задачей. (3) И они не попытались определить, как употреблялось слово τίμιον в греческой философии (ещё одно пренебрежение того же рода, что и в случае со словом σύγγραμμα). Я попытался заполнить этот оставленный учёными пробел в своей статье для сборника в честь юбилея Вальтера Буркерта¹². Я тщательно изучил десятки мест из произведений пяти авторов IV века, все из которых демонстрировали одинаковое понимание слова τίμιον, резюмированное в лаконичном утверждении Аристотеля: ἡ μὲν γὰρ ἀρχὴ τίμιον (*De incessu animalium*, 706b12). Все они, т.е. Филипп Опунтский, Теофраст, Спевсипп, Аристотель и Платон, рассматривают τιμή и τὸ τίμιον в качестве основного признака своих ἀρχαί. Поэтому всё, что является τιμιώτερον, более близко к ἀρχή. В устной защите своего письменного *логоса* платоновский философ выйдет за пределы им написанного, приблизившись к принципу или же принципам.

5. Письменный *логос* — это εἶδωλον («образ», а не «призрак», ср. у Роува) живой и одушевлённой речи диалектика (276a9). Разумеется, Платон говорит здесь о своих собственных сочинениях¹³. И если Платон предлагает свои диалоги в качестве образов возможных философских разговоров, то из них мы можем узнать, как будет действовать диалектик, ведя беседу. Это поможет нам понять платоновский смысл выражений βοηθεῖν τῷ λόγῳ¹⁴, τὰ γεγραμμένα φαῦλα ἀποδειῖξαι и σιγᾶν πρὸς οὓς δεῖ. (а) Образ диалектика, помогающего своему *логосу*, можно найти, например, в «Федоне», «Государстве» и «Законах». В каждом из этих трёх случаев в тексте используется слово βοηθεῖν или его синоним ἐλικοῦρεῖν, поэтому можно не сомневаться, что они представляют собой примеры процедуры, упоминаемой в «Федре». И во всех трёх примерах философская «помощь» совершается путём введения но-

¹² См. Szlezák 1998.

¹³ Ср. Szlezák 2009.

¹⁴ Относительно смысла выражения βοηθεῖν τῷ λόγῳ помимо соответствующих мест в книге Szlezák 1985 см. тж. Szlezák 1989.

вых понятий и теорий, интеллектуальный уровень которых существенно превосходит уровень предшествующего разговора. В «Федоне» Сократ «помогает» собственному тезису о бессмертии души, рассказывая историю о своём «втором плавании» (*Phd.* 88d и след.), в «Государстве» он помогает своему первому *логосу* в защиту справедливости, очерчивая проект идеального государства, опирающегося на правление философов (*R.* 368b и след.), тогда как «Афинянин» в «Законах» помогает закону против нечестия (ἀσέβεια), разворачивая свою теорию движения, самодвижения души и управления космосом со стороны богов (891b–899c). Очевидно, что во всех этих случаях помощь, оказываемая философом, включает в себя понятия и теории, являющиеся τιμώτερα, предметами более высокой философской ценности или достоинства, и что она выводит обсуждение на более высокий уровень по направлению к принципам (ἀρχαί) (ср. *Lg.* 891c2–6). Таким образом, на отдельных примерах диалоги иллюстрируют общее требование, сформулированное в «Федре». С помощью этих иллюстраций мы теперь можем понять смысл взаимного соотнесения Платоном понятий βοηθεῖν и τιμώτερα. Именно благодаря этому виду помощи, то есть благодаря философским теориям более высокого достоинства и силы, платоновский φιλόσοφος сумеет в устной беседе превзойти свой письменный *логос*. И именно благодаря этому виду помощи философ покажет, что является εἰδώς (276a8) или εἰδώς ἢ τὸ ἀληθές ἔχει (278c4–5), т.е. диалектиком, постигшим нэтическую «истину» тех предметов, о которых он говорит. (b) Благодаря этим же иллюстрациям мы теперь понимаем платоновское значение выражения τὰ γεγραμμένα φαῦλα ἀποδειξαι. Если письменный диалог так же относится к устной помощи, как диалог Сократа с Фрасимахом к помощи справедливости в книгах II–X «Государства» или как первые аргументы Сократа в защиту бессмертия к помощи, осуществлённой им в ходе его «второго плавания», то нетрудно признать, что обозначение чего-либо словом φαῦλον в любом случае следует понимать в сравнительном смысле: письменный диалог отнюдь не лишён всякой цен-

ности, но он, без сомнения, менее ценен в сравнении с устной теорией принципов Платона. (с) Наконец, платоновские диалоги указывают ещё на один признак, который нам следует привлечь для иллюстрации главного свойства диалектика: диалектик знает, с кем он должен говорить и с кем молчать (*Phdr.* 276a6–7). Эта его способность иллюстрируется такими местами диалогов, как *R.* 506e и 533a, где Сократ отказывается сообщить Главкону о своём взгляде на сущность, τί ἔστιν Блага (хотя некий собственный взгляд (некое δοκοῦν μοι) на этот счёт у него имеется) и дать ему краткий обзор диалектики (несмотря на свою принципиальную готовность, προθυμία, сделать это). Как признаёт большая часть читателей, похожих мест в платоновских диалогах можно найти немало. Платон хочет, чтобы мы поняли значение способности истинного философа σιγᾶν πρὸς οὓς δεῖ.

6. Способность диалектика при необходимости хранить молчание — а это необходимо, когда он сталкивается с людьми, «не имеющими никакого отношения к философии» (275e2 παρ' οἷς οὐδὲν προσήκει), или с людьми, ещё не дозревшими до усвоения его знаний, такими как Главкон и Адимант в «Государстве» (506e, 533a1), — такая способность и является его θεῶ χαρίζεσθαι, использованием *логосов*, которое будет угодным богу: поскольку идеи и, *a fortiori*, принципы являются θεῶ, божественными, он станет излагать знания о них только собеседникам, имеющим необходимую интеллектуальную и этическую подготовку. А поскольку письменное сочинение в любое время может попасть в руки тех, кто не имеет никакого отношения к философии, он не станет письменно излагать эти знания в какой-либо книге.

Надеюсь, я сумел убедить вас в том, что имеет смысл задаваться вопросом об исходном платоновском значении используемых понятий. Я просто следовал старому филологическому принципу Ὅμηρον ἐξ Ὀμήρου σαφηνίζειν, или, в нашем случае, Πλάτωνα ἐκ Πλάτωνος.

Литература

- Baudy 1986 — *Baudy G.* Adonisgärten. Studien zur antiken Samensymbolik. Frankfurt am Main: Hain, 1986.
- Burnyeat & Frede 2015 — *Burnyeat M., Frede M.* The Seventh Platonic Letter: A Seminar / Ed. by D. Scott. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Cooper 1997 — Plato. Complete Works / Ed. by J. Cooper. Indianapolis: Hackett, 1997.
- Guthrie 1978 — *Guthrie W.K.C.* A History of Greek Philosophy. The Later Plato and the Academy. Vol. V. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
- Hackforth 1952 — *Hackforth R.* Plato's Phaedrus / Translated with introduction and commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 1952.
- Kühn 1998 — *Kühn W.* Welche Kritik an wessen Schriften? Der Schluß von Platons Phaidros, nichtesoterisch interpretiert // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1998. № 1 (Bd. 52). S. 23–39.
- Szlezák 1979 — *Szlezák Th.A.* The Acquiring of Philosophical Knowledge According to Plato's Seventh Letter // *Arktouros. Hellenic Studies presented to Bernard M.W. Knox* / Ed. G.W. Bowersock, W. Burkert, M. Putnam. Berlin, New York: de Gruyter, 1979. P. 354–363.
- Szlezák 1985 — *Szlezák Th.A.* Platon und die Schriftlichkeit der Philosophie. Interpretationen zu den frühen und mittleren Dialogen. Berlin; New York: de Gruyter, 1985.
- Szlezák 1989 — *Szlezák Th.A.* Struttura e finalità dei dialoghi platonici. Che cosa significa «Venire in soccorso al discorso»? // *Rivista di filosofia neoscolastica*. 1989. № 4 (anno 81). P. 523–542.
- Szlezák 1998 — *Szlezák Th.A.* Von der *timē* der Götter zur *timiotēs* des Prinzips. Aristoteles und Platon über den Rang des Wissens und seiner Objekte // *Ansichten griechischer Rituale. Geburtstags-Symposium für Walter Burkert* / Hrsg. F. Graf. Stuttgart; Leipzig: Teubner, 1998. S. 420–439.
- Szlezák 1999 — *Szlezák Th.A.* Gilt Platons Schriftkritik auch für die eigenen Dialoge? Zu einer neuen Deutung von *Phaidros* 278b8–e4 // *Zeitschrift für philosophische Forschung*. 1999. № 2 (Bd. 53). S. 259–267.

- Szlezák 2009 — Szlezák Th.A. Abbild der lebendigen Rede. Was ist und was will ein platonischer Dialog? // *Museum Helveticum*. 2009. № 2 (Bd. 66). S. 65–83.
- Szlezák 2015 — Szlezák Th.A. On the Meaning of the Key Concepts in Plato's Criticism of Writing: A Philological Approach to *Phaedrus* 274b–278e // Платоновские исследования. Вып. III (2015/2) / Под ред. И.А. Протопоповой и др. М.–СПб.: Платоновское философское общество; РГГУ; РХГА, 2015. С. 80–91.
- Vlastos 1963 — Vlastos G. Review of: Hans Joachim Krämer. *Arete bei Platon und Aristoteles. Zum Wesen und zur Geschichte der platonischen Ontologie*. Heidelberg: Winter, 1959 // *Gnomon*. 1963. № 7 (Bd. 35). S. 641–655.